

Он ни на секунду не задумался над многозначительными словами И Ланя, ведь к Жун И он уже давно ничего не чувствовал.

— По-моему, вы меня стесняете, — равнодушно произнес Шань Шэнъян.

Услышав это, И Лань на мгновение изменился в лице, а затем с неловким видом перевел взгляд на Жун И:

— Я же говорил, что не стоит приходить, но ты настоял на своем.

Жун И успокаивающе посмотрел на И Ланя, а затем холодно уставился на Шань Шэнъяна:

— Возомнил себя здесь хозяином? Нужно напомнить тебе, в каком положении ты сейчас находишься?

Видя, с каким отвращением Жун И относится к Шань Шэнъяну, И Лань ликовал. Два года назад они с братом И расстались из-за недоразумения, потратив впустую столько времени. Пару дней назад, услышав пьяные откровения своего отца о том, что происходит вокруг Жун И, он тут же бросил всё за границей и вернулся в страну. В этот раз он твердо намерен воссоединиться с ним, а для начала нужно избавиться от этого человека, занявшего чужое место.

Хотя Шань Шэнъян уже смирился и поставил крест на Жун И, его сердце всё еще непроизвольно сжалось от горькой боли. Он знал, что Жун И угрожает ему Шань Шэнши, поэтому промолчал.

Заметив, что Шань Шэнъян не стал пререкаться, Жун И немного смягчил ледяной тон:

— Иди приготовь поесть.

Этот приказ прозвучал так, словно он отдавал распоряжение слуге — ни капли чувств. С тех пор как они поженились, в этой вилле не было прислуги, она напоминала холодный дворец. Все три приема пищи Шань Шэнъян готовил сам. Когда-то избалованный наследник, ради этого мужчины он за год научился выполнять всю домашнюю работу.

Шань Шэнъян криво усмехнулся:

— Как раз остатки моей еды еще теплые. Если проголодались — идите и ешьте.

Жун И нахмурился и уже хотел было прикрикнуть на него, но Шань Шэнъян перебил его:

— Ах да, забыл, я уже выбросил всё в мусорное ведро. Впрочем, если вытащить, думаю, еще можно есть.

Сказав это, Шань Шэнъян развернулся и ушел на кухню. Лицо Жун И изменилось от этих слов. Он подошел к дверям кухни и мрачно предупредил:

— Даю тебе полчаса. Если еда не будет готова, я прекращу давать Шань Шэнши лекарства на две недели.

Шань Шэнъян резко остановился, с яростью в глазах обернулся и выкрикнул:

— Жун И, ты используешь женщину, чтобы угрожать мне? У тебя вообще есть хоть немного совести?

— Когда твои родители погубили мою мать, они думали о том, что она тоже женщина? — Жун И холодно усмехнулся. — Раз твои родители в тюрьме и я не могу с ними разделаться, пусть за всё ответит твоя сестра. В конце концов, даже если ее вылечить, она все равно долго не проживет.

Шань Шэнъян стиснул зубы, его глаза подрагивали от ненависти. Гнев, клокотавший в груди, боролся с остатками здравого смысла. Он знал, какой Жун И человек: он всегда держит свое слово. Его сердце жестоко и безжалостно, в нем нет места морали. Если он сказал, что прекратит давать лекарства на полмесяца, значит, так и сделает, а если пообещал погубить сестру — он это исполнит.

Поддавая желание разорвать Жун И на куски, Шань Шэнъян глубоко вздохнул, заставляя себя успокоиться.

— Я приготовлю, — эти слова, выжатые из горла, казались смешанными с кровью.

Жун И совершенно не принимал ненависть Шань Шэнъяна в расчет. В его глазах тот был лишь никчемным, хрупким созданием, выросшим в башне из слоновой кости — таким, что сломается от одного прикосновения.

— Брат И, может, мне все-таки уйти? — И Лань с виноватым видом стоял рядом с чемоданом. — Не хочу, чтобы ты расстраивался.

— Всё в порядке, — Жун И повернулся к нему, подхватил чемодан и добавил: — Пойдем, я провожу тебя в комнату.